

1905

Денис
Азаров



18+

Денис Азаров

1905

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Азаров Д. М.

1905 / Д. М. Азаров — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Книга посвящена событиям, произошедшим перед самым началом революционных волнений 1905 года, которые вошли в историю как «Харьковское восстание». Серия убийств на заводе Гельферих-Саде так или иначе затрагивает интересы криминального мира, охранного отделения, военных спецслужб и революционного подполья. Разобраться в этом клубке предстоит начальнику сыскной части при канцелярии харьковского обер-полицмейстера Федору Ивановичу Гурову. В тексте, кроме вымышленных, фигурируют реальные исторические персонажи, а некоторые описанные события являются частью истории Харьковской губернии.

1905

Гуров знал, что сейчас умрет. Почему-то в голову не приходило ничего, приличествующее моменту. Жизнь не проходила перед глазами. Молиться Гуров не умел, да и смысла в этом не видел. Страх тоже не было. Была усталость, да всякие глупости болтались в голове. Например, откуда в этом кабинете такой тяжелый химический запах, когда закончится безумный крик, доносившийся откуда-то из глубин здания, почему человек, стоящий у окна, – отвернулся: может быть, трусит и не хочет видеть того, что сейчас случится? И как выглядит тот, второй, который сейчас и закончит его, Гурова, существование? Он улыбается? Злится? Или на его лице отвращение от того, что он должен сделать? А потом Гуров вдруг осознал, что через мгновение вот это все – кабинет, занимающийся рассвет за окном, двое, находящиеся в кабинете, кто-то, с надрывом кричащий, и тяжелый спертый запах – все это продолжит быть. А он, Гуров, быть перестанет. Ощущение было странным и пугающим своей необычностью, но испытать отчаяние Гуров уже не успел. Раздался выстрел.

1

За несколько дней до этого, в начале декабря 1905 года, начальник сыскной части при канцелярии харьковского обер-полицмейстера Федор Иванович Гуров осматривался вокруг, и то, что он видел, навевало смертельную тоску. Более унылый пейзаж было трудно себе представить. Неожиданная оттепель, разразившаяся в начале зимы, растопила снег; голые ветви деревьев и другой чахлой растительности тыкались в свинцовое небо, с которого падало нечто неопределенное. Коренной санкт-петербуржец Гуров был хорошо знаком с погодным явлением, когда влага – то ли дождь, то ли снег – будто повисала в воздухе. Но только здесь, на юге, для этого явления существовало очень подходящее малороссийское слово – мряка. Эта пелена размазывала и делала серой мелкую заросшую речку слева, за которой находился вполне ухоженный больничный парк, выглядевший сейчас угрожающе. Впечатление усиливалось тем, что это был парк больницы для душевнобольных, называемой в городе «Сабурова дача» или просто «Сабурка». Справа стояли глухие кирпичные стены заводских корпусов. Из-за стен слышались удары, скрежет и множество других звуков, природу которых Гуров не взялся бы определить. Никаких голосов слышно, конечно, не было, и казалось, сами стены издают какие-то адские возгласы. Весь этот и без того мрачный пейзаж, дополненный звуковыми и погодными мазками, выглядел даже более неприятно, чем то, что лежало у ног Гурова, и что, собственно, и послужило причиной его пребывания здесь.

У ног Гурова лежал труп. Покойный был огромным, ростом примерно под три аршина, не меньше. Он лежал ничком. Глубоко надетый картуз не слетел при падении, и его край был заляпан кровавыми сгустками. Сразу под кромкой картуза зияла рана, не оставляющая сомнений в причине смерти. Череп покойного был проломлен с такой силой, которая наводила на мысли о находящихся за кирпичными стенами станках, продолжающих тиранить слух Гурова то глухими, то звонкими ударами. Но станок, конечно, был ни при чем. Покойный стал таким именно здесь: дойти сюда с такой дырой в голове он не мог, а никаких следов волочения заметно не было. Отнести на руках тело, весящее навскидку пудов семь, а то и восемь, вряд ли кому-то под силу. Следов ног, которые могли бы привести будущее расследование хоть куда-то, Гуров тоже не заметил. Вернее, следы то были, но оставили их явно до того, как грязь подмерзла, а значит – за несколько дней до происшествия. Не то чтобы следов оставалось много, но все равно: что могло делать здесь, в таком глухом месте, люди – было совершенно непонятно. На этот, как и на сотню других важных или неважных вопросов предстояло найти ответы в ходе следствия.

Зато ответ на один вопрос был получен сразу. Покойного быстро опознали по росту, мощной статуре, новым сапогам, которыми он хвастался вчера. Сейчас эти сапоги, плотно обхватившие мощные икры, полукружьями каблуков смотрели на Гурова. К тому же убитый

был лысым, и этот факт проверили, слегла приподняв картуз. Это окончательно указало на личность: покойный был мастером сборочного цеха завода Гельферих-Саде, под стенами которого и обнаружили труп. Звали его Петр Завалов. Было ему 28 лет, происходил он из крестьян Харьковской губернии, был грамотным и слыл хорошим работником. Это все, что пока удалось установить.

Вот с убитого можно было и начинать, тем более, и начинать-то, в сущности, было больше не с чего.

– Роман, – негромко позвал Гуров, не оборачиваясь. Он знал, что Роман Степаненко, один из подчиненных ему полицейских надзирателей, стоял за его спиной слева, ожидая указаний.

– Да, – ответил тот просто и, судя по звуку, сделал шаг вперед. Никаких «ваших благородий» Степаненко не любил: он обращался к начальнику по должности, когда находился в состоянии спора, что случалось довольно часто, или по имени-отчеству, что для Степаненко служило высшей степенью проявлением уважения. Гуров, не любивший панибратства и, чего греха таить, все еще немного гордящийся получением чина 9-го класса, за которым шло уже «ваше высокоблагородие», Степаненко это прощал, потому что тот был лучшим его сыщиком.

– Про покойного разузнай. До обеда доложишь.

– До обеда не успею. Народец лихой, – возразил Степаненко.

Гуров обернулся. Он не любил возражений, но сейчас признал, что сыщик был прав.

Называть «лихим народем» раков с Ивановки или налетчиков с Москалевки Степаненко бы не стал. Потому что привычные «лихие люди» в последнее время уже не казались такими уж лихими. В Харькове, который стремительно превращался из купеческого в промышленный город, зародился и окреп рабочий класс, ныне отравленный революционными идеями. Охранка, до того с переменным успехом боровшаяся с маленькими группками студентов и разночинцев, столкнулась с тысячами довольно агрессивных, а довольно часто в последнее время – еще и вооруженных вчерашних крестьян, не боявшихся ни государя императора, ни Господа Бога.

И как считал Гуров, самое паскудное было в том, что требования этих самых вчерашних крестьян были куда более понятны и справедливы, чем требования революционеров-террористов прошлого века. Поэтому требования эти находили все больше поддержки за пределами заводских цехов. Призрак революции густой тенью лег над Империей. Все, кто имел хоть небольшую склонность к трезвым размышлениям, видели это, но как отвести напасть – по сути, никто не знал.

Вполне возможно, что и труп, лежащий на узкой полосе грязи, которая отделяла заводские цеха от плюгавой речки, был результатом этого противостояния. Об этом Гуров подумал сразу, как только узнал, что покойный работал мастером. Потому что мастер на заводе был, с одной стороны, как бы рабочим, а с другой – человеком, близким к начальству, а значит – мог представлять угрозу для революционно-настроенных рабочих. Тем более, в последнее время наметилось увеличение разницы в оплате квалифицированных рабочих и остальных, что делало мастеров в глазах простого рабочего люда частью «класса эксплуататоров».

– Городового возьми, – сказал Гуров, подумав, что наличие человека в форме поспособствует безопасности полицейского надзирателя.

– Мешать будет, – коротко ответил Степаненко, и городовой, который переминался рядом, кажется, облегченно выдохнул.

Резон в словах надзирателя, конечно, был. Городовой в форме вряд ли позволил бы разговаривать рабочих, настроенных негативно ко всякой власти, а тем более – к полиции.

Гуров отругал себя за неуместную заботу о подчиненных. Он старался слыть начальником суровым, но иногда ему казалось, что подчиненные всерьез его суровость не воспринимали и за спиной наверняка придумали ему какое-нибудь прозвище. Хорошо, если просто Иваныч.

– Здоровеньки булы, Иваныч, – эксперт Фесюнин скакал по доскам, брошенным через грязь, балансируя рукой с саквояжем. Гурову он не подчинялся, а потому мог звать его как угодно. Полиция привлекала этого веселого и не по годам живого, не смотря на профессию, человека для проведения судебных экспертиз – согласно уставу уголовного производства, принятому аж 40 лет назад. Никаких собственных экспертов у полиции не было, хотя необходимость в этом более чем назрела. Да и люди соответствующие имелись – как этот вот Альберт Францевич или известный хирург Николай Пирогов, который, как читал Гуров, заложил основы баллистической экспертизы и пояснил, как по форме раны определить тип оружия, расстояние и угол стрельбы. Неизвестно, был ли знаком Фесюнин с трудами хирурга и тайного советника Пирогова, но сам он часто выручал Гурова. Хотя характер имел несносный и язык длинный.

– Здорово, Францыч, – мрачно ответил Гуров, возвращая панибратство Фесюнина. – Смотри, что тут. Хотя тебе тут делать и нечего, похоже.

– Ну, нечего так нечего, – Фесюнин наклонился над трупом, потом – внезапно схватился за голову покойного и приподнял ее. Гурову что-то показалось странным, и он не сразу понял, что. А потом увидел, что голова откинулась назад как-то подозрительно легко.

– Ага! А горлышко то здоровяку перерезали, – возвестил эксперт. – Перерезали! – добавил Фесюнин с такой радостью, будто обнаружил кошелек с червонцами, после чего стал присматриваться к голове внимательнее. Потом бесцеремонно схватил покойного за запястье, стал нажимать на ногти и изучать их. После этого он совсем уж нагло задрал ватник и рубаху покойного, всматриваясь в кожу на спине. Вернувшись к голове, он снова приподнял ее и обратился к Гурову:

– Глянь-ка, Иваныч. Видишь.

Гуров сделал два шага вперед, выбирая в грязи место посуше, и, аккуратно подобрав полы пальто, сел на корточки, потому что зрение его уже начинало подводить, а завести пенсне или казавшиеся ему более удобными очки он все не решался.

– Что я должен увидеть? – спросил он.

– Кровь, конечно. Иваныч, кровь!

– Так нет ее... – озадаченно сказал Гуров.

– Так в том-то и дело, что нет! – Фесюнин радостно хлопнул Гурова по плечу, несильно, но сидящий ну корточках Гуров чуть не перекинулся, уткнувшись лбом в затылок трупа.

– Ты полегче, – Гуров привстал.

– И на покойном крови совсем мало. Представляешь, как она бы хлынула? Ее здесь прямо и спустили, когда он ничком лежал.

– Сколько всего крови могло быть? – спросил Гуров у эксперта.

– Обычно – меньше, чем полведра. А у такого здоровяка, может, и половина была бы.

Гуров быстро прикинул, что кровь могла быть собрана в сосуд, который, с одной стороны, должен быть достаточно вместительным, а с другой – с низкими краями. Ведро тут точно не подходило. Это должно было быть что-то вроде таза. Но нести такой вот наполненный жидкостью таз далеко убийца бы не смог. В темноте, да еще по неровной земле? Зачем? Хотя вопрос был, в общем-то, нелепым. А зачем вообще это все? Труп, мряка, речка, стучащие железом кирпичные стены... Но проверить стоило.

– Эй, уважаемый, – обратился Гуров к городовому. – Сейчас же пройдишь вдоль реки саженей по десять в ту и другую сторону отсюда и посмотри: таз не валяется? Или что-то похожее.

– Будет сделано, ваше благородие, – отвечивший городской и пошагал вдоль реки, вертя головой.

Гуров отошел от трупа, испытывая некое облегчение. Вряд ли тут пахло политикой. Ну голову проломить – это еще куда ни шло, но вот кровь выпускать... Хотя дело могло обернуться

еще хуже. Казалось бы, что может быть хуже, чем искать убийцу среди повязанных круговой порукой работных людей? Но, увы, Гуров знал, что.

Он сразу заприметил эту деталь. Надпись свежей краской на стене, на высоте человеческого роста находилась прямо напротив трупа. Это были всего две буквы пару пядей в высоту – КН. Может быть, они были нанесены для каких-то производственных нужд, и Гуров бы вообще не обратил бы на них внимания, если бы не кровь, выпущенная из трупа. В этой связи надпись приобретала особый смысл. Смысл этот был настолько неприятен и даже пугающ, что Гуров приказал себе пока забыть о надписи и теперь благодарил Бога за то, что не обратил внимания коллег на нее, выясняя, откуда она взялась. Да и вообще, может быть, имела она вполне будничное объяснение, например – «Копать нельзя», а он напридумывал себе невесть чего, да еще посеял бы в умах ненужную панику.

– Нема ніякого тазу, ваше благородие, – доложил городской, выведя Гурова из задумчивости.

– Ну, нема так нема, – ответил тот рассеяно и попросил: – А сейчас отведи-ка меня к начальству.

2

Следуя за городовым, Гуров вышел на небольшую площадку перед серого, как и все вокруг, кирпичного здания, которое явно было заводской конторой. Все выглядело бы вполне обычно, если бы не автомобиль, стоящий рядом со зданием под навесом, явно для него построенный. Автомобиль в Империи давно перестал быть диковинкой, но этот поражал воображение. Он был благородного бордового цвета, а четыре медных фонаря – два спереди, у необычно широкой решетки, а два – по бокам от водительского места – блеснули даже в этот серый день так, что в сочетании с бордовым цветом напомнили Гурову что-то церковное, во всяком случае – торжественное. Удлиненная передняя часть, где, как знал Гуров, находились мотор и колеса, расставленные немного шире, чем у других авто, виденных Гуровым ранее, наводили на мысль об огромной внутренней силе. Этот автомобиль так выбивался из окружающего пейзажа, что Гуров невольно остановился посреди площадки.

Тем временем из двери заводской управы вышли два человека. Один, одетый как рабочий и с кривой железкой в руках, бегом бросился к автомобилю. Вставив ее в отверстие под решеткой, он замер, ожидая водителя. Второй человек, лет пятидесяти, поджарый, в дорогом английском пальто, пошел к автомобилю не спеша, не отрывая от него взгляда и тоже явно любясь. Потом он увидел Гурова с городовым, остановился и отрекомендовался.

– Воскресенский Владимир Григорьевич – управляющий. А вы, я так понимаю, местный пинкертон, – обратился он к Гурову.

– Гуров Федор Иванович – начальник сыскной части, – ответил Гуров, пожимая руку.

– Нравится? – спросил Воскресенский, кивая на автомобиль. – Тогда позвольте представить – Mercedes 65 PS. Знаете, что значит шестьдесят? Шестьдесят лошадиных сил. Шестьдесят! Представляете? Разгоняется до восьмидесяти миль в час. Но я не пробовал. У нас – негде. Дорог нет. Как говорится по-японски, «То яма, то канава».

Воскресенский рассмеялся, ненадолго замолчал, давая Гурову возможность переварить услышанное, и продолжил.

– С господином Майбахом, автором этого чуда, я даже имел честь быть лично знакомым, когда учился в Штутгарте. Большого ума человек. И поверьте мне, а я разбираюсь в технике: этот автомобиль войдет в историю. И для меня как человека, который уже три дня на нем ездит, теперь если автомобиль – то только Mercedes.

Воскресенский снова замолчал, не отрывая взгляда от авто, а потом спросил:

– Вы ведь ко мне шли, как я понимаю. Вам в город не надо? Могу подбросить, заодно и поговорим.

– Поговорим? – спросил Гуров, зная, что звук, издаваемый этими чудесами техники, никак не дает находящимся в них возможности разговаривать.

Воскресенский рассмеялся.

– Поехали.

Он подошел к автомобилю и протянул Гурову очки. Гуров снял котелок, натянул огромные очки, снова надел котелок и взобрался на место пассажира. Воскресенский сел рядом, рабочий крутанул железку, и Гуров понял, что поговорить они смогут. Двигатель работал едва ли не вдвое тише, чем на обычных автомобилях, и вместо привычного треска издавал ровный глуховатый шум.

Воскресенский посмотрел на Гурова, явно любясь произведенным впечатлением. Затем он перевел вперед высокий штырь, торчащий слева, и они тронулись. Тот же рабочий, который заводил автомобиль, бросился открывать ворота. Они выкатились на Корсиковскую улицу, которая потом становилась Старомосковской, а ближе к центру – просто Московской. Зачем было по сути одну, пусть и самую длинную в городе улицу делить на три, Гуров не понимал. Жителю Санкт-Петербурга, который застраивался планомерно и, соответственно, улицы которого именовались более-менее логично, запутанность харьковских названий до сих пор казалась необычной.

Автомобиль был великолепен. Его рессоры будто скрадывали выбоины, двигатель урчал ровно, и только скорость немного пугала Гурова. Воскресенский ловко объезжал брички и самые большие ямы и только ближе к центру, когда людей и повозок стало больше, поехал медленнее.

До центра города они доехали быстро, поэтому долгого разговора не получилось.

– Кто-то мог проникнуть на территорию завода извне? – это было первое, что спросил Гуров.

– Очень сомнительно. Вы же видели забор. К тому же территория завода хорошо охраняется.

– Зачем? – спросил Гуров.

– Затем, что некоторые рабочие не прочь что-нибудь стащить, восполнив, таким образом, недостаток в заработной плате. Например – болты или гайки, инструмент... Да что угодно, что представляет хоть какую-то ценность. А с другой стороны – норовят протащить на завод что-нибудь спиртное. Покойный владелец, будучи убежденным трезвенником, всячески с этим боролся. Я же трезвенником не являюсь, но продолжаю борьбу: это влияет и на выработку, и на безопасность. Поэтому территория постоянно охраняется специальными людьми, которых отбирал лично я. Так что проникнуть и уйти незамеченным – не то чтобы невозможно, но очень сложно. Я даже не представляю себе, как.

– Вы знали покойного? – спросил Гуров.

– Да, знал, – неожиданно ответил Воскресенский, что было несколько удивительно.

Как можно знать каждого мастера на заводе, на котором работает около тысячи человек? Но даже за время короткого разговора Гуров убедился в том, что Воскресенский действительно знал все о возглавляемом им предприятии, до мельчайших деталей изучил и производство, и людей.

Характеристику покойному Воскресенский дал вполне четкую:

– Работник был хороший. Рукастый и толковый, не пьющий и ответственный. Умел добиваться от людей результата: крепким словом и, как я подозреваю, – иногда кулаком. Впрочем, иначе с этой публикой нельзя. Вы бы знали, сколько по дурости и по пьяни бывает травм. Фельдшер у нас даже свой есть, и поверьте, он никогда без работы не сидит. Да и дело страдает часто по тем же причинам. В общем, Петр Завалов был человеком нужным.

– Что он мог делать там, возле реки, ночью? – спросил Гуров.

– Не имею не малейшего представления, – ответил Воскресенский после паузы, которая насторожила Гурова.

– А что там вообще происходит, между рекой и заводскими корпусами? Почему там бывают люди?

– Тоже не имею не малейшего представления, – ответил Воскресенский. – А с чего вы взяли, что там кто-то бывает?

– Следов всяких как-то многовато. Не то чтобы там был променад, как на Сумской, но все же... Место – глухое, и делать там нечего. И чтобы в грязи совсем не утонуть, кто-то даже досок туда набросал.

– Не знаю, – ответил Воскресенский, и Гуров ответил мысленно: «Знаешь, знаешь ведь». Управляющий, который явно знал завод как свои пять пальцев, а людей настолько, что мог дать характеристику простому мастеру, вдруг проявил поразительную неосведомленность.

Расстались они довольно прохладно. Впрочем, пожимая руку, Воскресенский предложил Гурову посылать своих людей на завод в любое время дня и ночи и задавать любые вопросы всякому, кто встретится на территории, ссылаясь при этом на его, Воскресенского, строгое указание оказывать всяческое содействие полиции, которое он отдаст тотчас же, как вновь окажется на заводе.

3

После обеда Гуров в своем кабинете в Мироносицком переулке, где в нескольких комнатах располагалась сыскная часть, составлял рапорт судебному следователю, необходимый для начала уголовного дела. Последовательно, но без особых подробностей он излагал обстоятельства: «было обнаружено, на место прибыли, было установлено» и так далее.

Вверху он, пользуясь своим положением высокого полицейского чина и допуская нарушение, впрочем – негрубое, указал конкретного адресата – судебного следователя по важнейшим делам Федора Венедиктовича Окунского. Имело ли смысл привлекать столь высокий чин для расследования убийства простого заводского мастера – Гуров уверен не был, но хотел, чтобы дело вел именно он. Во-первых, статус «важнейшего» предполагал возможность его действий в пределах всего судебного округа, т.е. не только Харьковской, но еще шести близлежащих губерний, что часто было удобно для преодоления бюрократических формальностей. Во-вторых, Федор Венедиктович слыл человеком умным, но при этом совершенно нелюбопытным и озабоченным лишь формальными вопросами. В ход дознания он никогда не вмешивался, предпочитая давать работать полиции.

Когда напольные часы «Адлер» – подарок одного купца, которому Гуров помог год назад в очень неприятном деле, – пробили три, Гуров поставил точку в рапорте, и почти сразу же в кабинет без стука вошел Степаненко.

– Ну? – спросил Гуров.

Степаненко не стал садиться на стул у письменного стола, а плюхнулся на кожаный диван, вытянул ноги и начал рассказывать.

– Публика там, конечно, ершистая. Я сначала думал на солидарность пролетарскую надавить, так сказать. Не пошло дело. Я решил – потому что покойный был мастером. Но с мастерами – та же беда. Потом вытянул причину – и пошло. Во-первых, покойный был дрянь-человек. Перед начальством спину гнул, а подчиненного мог по уху двинуть. Исполнительный был сверх меры. Ну а во-вторых, вы же знаете, нынче среди людей работных в моде социалистические идеи, а Завалов этот был совсем наоборот.

– В смысле? – не понял Гуров.

– «Черная сотня», не слышали?

– Ну слышал что-то... «Русское собрание», кажется. Хотя вроде бы это дворянская затея, да и столичная. У нас-то откуда?

– Ну вот, оказывается, не только дворянская и не только столичная. Они недавно себя «Черной сотней» стали называть. У нас их, как выяснилось, немного: на заводе «Гельферих-Саде» – всего несколько человек. Они на какие-то собрания ходят, молебны... Книжки даже распространяют. В общем, как социалисты совсем, только наоборот. А не слышали мы о них потому, что неприятностей они не доставляют.

– Ну конечно, «православие, самодержавие, народность», – вспомнил Гуров знаменитую уваровскую формулу. – Какие уж тут неприятности? Скорее наоборот – основа самодержавия, так сказать, соль земли.

– Ну да, – хмыкнул Степаненко. – Соль. Только идеи эти сейчас у рабочих не в чести. Да и носитель этих идей был человеком крайне неприятным.

– Так что – думаешь, политика? – спросил Гуров, откидываясь на спинку кресла.

– Та все может быть. Но тут вряд ли. Черносотенцы с социалистами не ссорятся, и конфликтов между ними особых не было. Как я понял, и те, и другие за права рабочего класса выступают, только одни – силой, а другие на Господа Бога и государя-императора уповают. А так... Кому ж понравится по 14 часов в день горбатиться за гроши, да еще без вспомоществований от владельцев в случае травмы ну и так далее? Так что споры между рабочими были, конечно, но даже до мордобоя не доходило. К тому же по большей части все они – бывшие крестьяне, поэтому в своих убеждениях болтаются где-то между молельней и Карлой Марксом.

– Карлом, – поправил Гуров.

– Та один черт, – отмахнулся Степаненко и добавил: – И кровь эта из горла спущенная. Рабочие бы ножом кончили или из револьвера – и всех делов. Зачем вообще этот огород городить?

У Гурова были соображения на этот счет, но он решил, что делиться ими с подчиненным пока не стоит. Во-первых, потому, что утечка подобной информации могла быть чревата серьезными последствиями. Не то чтобы Гуров не доверял своим подчиненным – он не доверял вообще никому, особенно в деле сокрытия каких-то сведений. Ибо человек – существо слабое, и к болтливости его может подвигнуть что угодно – острое душевное расстройство, алкогольный или любовный кризис. А во-вторых, для соображений время еще не настало. Он по своему опыту знал, что чем меньше версий выдвигается в начале расследования, тем больше обращаешь внимания на всякие детали. А когда версия уже появилась, да еще версия своя собственная, ты невольно то, что в эту версию укладывается, – отмечаешь, а что нет – отбрасываешь за ненадобностью. И вот это, отброшенное, часто и ведет к установлению истины. Сейчас надлежало не умствовать, а собирать факты, запоминать их и сопоставлять. А подумать можно будет и позже, когда появится над чем.

– Где проживал покойный, узнал? – спросил Гуров.

– Обижают, – ответил Степаненко, ухмыльнувшись.

– Тебя обидишь, – ворчливо заметил Гуров и спросил: – Далеко?

– Да нет. Улица Дергачевская. Пару верст по Ключковской.

– Тогда поехали, – сказал Гуров, вставая.

Он, конечно, мог никуда не ехать, дав в помощь Степаненко еще одного-двух надзирателей, которые гоняли чай в соседней комнате. Но, во-первых, не мешало самому посмотреть на то, чем жил покойный, а во-вторых и, пожалуй, в главных – остаться в кабинете означало обречь себя на составление двух докладных в Санкт-Петербург о состоянии преступности в Харьковской губернии. Гуров эту работу ненавидел, а перепоручить ее кому-то не мог: его надзиратели были горазды кулаками потрудиться или ласы поточить, но уж никак не бумажки писать. Так что он с чистой совестью оставил бумажную работу в кабинете, предпочтя заняться расследованием.

Гуров и Степаненко вышли из пролетки в серую грязь Дергачевской. Она была заставлена длинными кирпичными одноэтажными домами, разделенными на несколько «квартир» одной

иди двух комнат с отдельным входом, который находился во дворе. Там же, во дворе, был общий нужник, неизменная будка с лающим на всех псом, развешенное белье и поленницы. Жилье, конечно, было так себе, но в сравнении с тем, как жили рабочие – дощатые бараки да землянки, – вполне ничего. Покойный жил и вовсе неплохо: перед входом в его квартиру была выстроена капитальная пристройка, которая в таких случаях обычно служила кухней и прихожей, добавляя несколько аршин к имеющейся площади.

Внутри квартира усиливала впечатление если не зажиточности, то, по крайней мере, – вполне сносного достатка. Новая печь, выложенная изразцовой плиткой, мебель – старенькая, но вполне приличная. На женщине, которая открыла дверь, было черное платье, ее худое лицо с узким ртом и острым подбородком было заплаканным – сведения о смерти супруга дошли быстро. Гуров почувствовал облегчение, потому что сообщать печальную новость не пришлось.

Он представился и попросил разрешения задать несколько вопросов. Женщина устало кивнула и развернулась боком, приглашая войти. Но Гуров и Степаненко остались стоять как вкопанные.

4

Это случилось в начале сентября. Банда грабителей напала на небольшой аккуратный особняк на улице Конторской. Особняк принадлежал семье ювелира Юхмана, который делал украшения на заказ. Как дело было на самом деле, так и оставалось невыясненным: то ли хозяева услышали голоса грабителей, то ли банда с самого начала не имела намерений оставлять свидетелей, только утром 5 сентября Гуров с тремя своими надзирателями хмуро обозревал три трупа – самого Михаила Яковлевича, его жены Дины Моисеевны и 17-летней дочери Бейлы. Как потом узнал Гуров, это имя на идише значило «красивая», и Бейла действительно была очень красива. Даже смерть ее не испортила.

Харьков, конечно, не был безопасным городом, но подобные наглость и жестокость всколыхнули общественность. Тут сыграли роль и красота покойной девушки, и личность Юхмана, которого Гуров, как и многих ювелиров, знал потому, что те обычно не гнушались скупкой краденого. В отличие от них Михаил Яковлевич был человеком честным, истово верующим и хоть и не обладал особенным состоянием, однако играл заметную роль в еврейской общине города.

Вот из-за этой самой общины Гуров и получил столько шишек на голову, сколько не получал за все годы службы в Санкт-Петербурге, а потом в Харькове. Дело в том, что в 1905 году еврейская община имела большое влияние на жизнь города. Девять из десяти купцов первой гильдии были евреями. Полностью или частично им принадлежали три банка и одно ссудосберегательное товарищество. Евреи составляли большинство членов Харьковского медицинского общества, были издателями трех крупных газет и владельцами нескольких типографий. И все это не считая бесчисленных лавок и других мелких предприятий.

Когда влиятельная еврейская община возмутилась, дело дошло до губернатора. Губернатор и обер-полицмейстер требовали от Гурова скорейшей поимки убийц. Дело подогревалось газетами, которые, обвиняя власть в бездействии и неспособности раскрыть это дело, казалось вот-вот призовут горожан на баррикады. Ситуация усугублялась тем, что сам Гуров жил буквально в трех домах от места убийства, и этот факт взбеленил газетчиков: казалось, что начальник сыскной части должен не спать по ночам, а обходить свою улицу в ожидании преступников. Так Гуров, сам того не желая, получил скандальную известность как человек, под носом у которого были совершены страшные убийства. Одна газетенка, «Харьковский листок», с владелицей которой, женой крупного банкира, у Гурова вышел конфликт на заре харьковской карьеры, даже разместила довольно безвкусный, по мнению сыщика, рисунок. На нем начальник сыскной части, почему-то одетый в полицейскую форму и дурацкий ночной колпак, мирно спал, в то время как за окном крались вооруженные ножами преступники. Гуров был совер-

шенно непохож на самого себя, но подпись под этим, с позволения сказать, шедевром разъясняла, кто на нем изображен.

При этом Гуров уже успел заработать в Харькове определенную репутацию, и у тех, кто его знал лично, эта травля вызвала неприятие. Гурову сочувствовали, но до тех пор, пока преступников не нашли, пятно на репутации оставалось. Это было вдвойне обидно, потому что Гуров делал все что мог.

Наверное, еще никогда Харьков не знал такого, как говорили блатные, шмона. Воровские «малины», опиумные курильни, бордели – все перевернули вверх дном. Скупщики краденого, всевозможные налетчики и даже мелкие раклы были, как любил это обозначать им же придуманным словом Гуров, – «отработаны». Сколько было выбито зубов и сломано ребер в ходе этой «отработки» – никто не знал. Но околоточные и надзиратели сыскной части вечерами любили хвастаться истертыми в кровь костяшками пальцев. Для проведения «операций» привлекались даже солдаты местного гарнизона.

В итоге дошло до того, что самые авторитетные харьковские воры сами запросили Гурова о встрече, которая и состоялась в одном плохоньком кабаке возле Благовещенского базара. Кабак по такому случаю был вымыт и избавлен от посетителей. Двое колоритных персонажей – бывший каторжанин Костян по прозвищу Лошадник и молодой резкий Паша-Перо – прибыли на встречу в окружении своих прихлебателей. Гуров взял с собой лишь Степаненко и еще одну даму, которая служила определенным гарантом того, что встреча, по ее же словам, пройдет в атмосфере «тепла и доверия». Конечно, никакого тепла не получилось: уж больно разные люди сидели по обе стороны дощатого стола. Но вот с доверием было лучше. Воры поклялись, несколько наивно, но внушительно, и даже выразили готовность целовать крест, что к сему паскудству харьковские «деловые люди» касательства не имеют, и знай они, кто совершил это злодейство, – сами бы принесли головы негодяев прямиком в сыскное отделение. Залетные тоже не могли пойти на такое, ибо никакие залетные без ведома присутствующих «работать» в городе не могут, потому что «знают, что за это будет».

Ну и самое главное, что волновало «общественность», – тот «хипеш», который устроил Гуров в последние три недели. Это сильно мешает «делам», и они, здесь присутствующие «деловые», от имени «общества» хотят попросить начальника сыскного отделения все это прекратить в обмен на заверения в том, что если хоть одна собака в городе что-то гавкнет о деле, об этом будет тотчас донесено до ведома сыскного отделения. После опять была дана торжественная клятва с готовностью целовать крест.

Гуров вора́м поверил. Он уже и так все понимал. Не могло быть такого, чтобы никто ничего не слышал и не видел. Все это наводило на мысль, которая накрывала Гурова своей безнадёжностью, когда он ни с чем выходил на улицу через выбитую дверь очередной «малины»: это сделал кто-то, не связанный с криминальным миром, и никакие «отработки» здесь не помогут.

Об этом же свидетельствовали еще несколько фактов: блатные вряд ли пошли бы на убийство, в котором и необходимости особой не было: натянул платок на физиономию – и под угрозой оружия бери что хочешь. К тому же жертвы были зарезаны, причем зарезаны, по словам Фесюнина, весьма неумело. Рука убийцы была сильной, но как будто неуверенной.

Еще один факт: сейф не был взломан или распилен на месте. В криминальном мире достаточно ловких шниферов, которые без труда вскрыли бы относительно недорогой шотландский Саггон, стоявший, по словам очевидцев, в кабинете. А сейф просто бесследно исчез. Впрочем, следы были: кабинет находился на втором этаже особняка, и, судя по вмятине на земле, сейф просто выбросили в окно. А потом его следы терялись.

Весил он при этом пудов пять, не меньше. Унести на руках его было невозможно, даже вдвоем – очень сложно. Разве что донести до пролетки. Но нашлись свидетели, которые в это время, а было около двух ночи, никаких пролетов на Конторской не видели. Впрочем, один

из них был извозчиком, который мог и задремать. Второй свидетельницей стала старая дама, страдающая бессонницей. Однако она могла отлучиться, к тому же, как сумел установить Гуров путем нехитрого эксперимента, женщина была подслеповата и глуховата.

Была у Гурова еще одна версия. Дело в том, что участки домов с южной стороны улицы, где находился дом ювелира, выходили к реке Лопань, и дом от реки отделяло всего сажень пять. Так что вполне возможно – преступники погрузили сейф в лодку. Но свидетелей не нашлось, поэтому эту версию ни подтвердить, ни опровергнуть возможности не было.

Еще одна странность: в то время как родители были одеты в ночное, красавица Бейла пребывала, что называется, при полном параде – в великолепном кружевном платье, с прической и даже подведенными помадой губами. И это в два часа ночи. При этом она ниоткуда не вернулась и, конечно, никуда не собиралась. Да и вообще, юной девушке весьма строгих, по словам знавших ее, моральных устоев надлежало в такое время быть в ночной рубашке. Объяснения наряду Бейлы у сыщиков не было.

У сыщиков вообще почти ничего не было – разве что анонимное письмо. Оно было коротким и описывало троих нападавших. Вернее, одного. Описание двух других подходило под половину жителей города, а вот один был большого роста, плотного телосложения и абсолютно лыс. Судя по описанию, свидетель видел скорее силуэты преступников, причем в темноте, потому что никаких деталей одежды анонимка не содержала. Гуров тогда не обратил особого внимания на это письмо: может быть, кто-то таким образом решил свести счеты с недоброжелателем. Впрочем, два особенно дюжих вора и один на свою беду абсолютно лысый скупщик краденого подверглись по этому поводу особо пристрастному допросу, но с преступлением их так и не связали.

Была еще одна зацепка. Сыщики пытались составить список пропавших вещей, но учет, который вел покойный, не давал никакой возможности представить себе их внешний вид. Запись в книге учета изготовленных изделий «Кольцо, б, 0,23 5 г», конечно, могла дать какое-то общее представление о том, что имело место кольцо с бриллиантом в 0,2 карата весом 5 граммов, но как оно выглядело – понять было невозможно, и предъявлять скупщикам краденого подобные приметы смысла не имело. Кроме того, наверняка в сейфе находился золотой лом, камни, наличные и прочие неучтенные ценности.

Но тут сыщикам повезло.

Дело в том, что буквально за несколько часов до нападения, вечером, ювелира посетил один весьма уважаемый профессор медицины, который заказал для своей 14-летней дочери довольно необычные золотые серьги. Подвеска представляла собой крыло, надо полагать, ангельское, а каст (как позже узнал Гуров, так называлась декоративная накладка на основание сережки) был изготовлен в виде ангела. Серьги уже были готовы, но заказчик решил, что надо бы увеличить самого ангела, который, по его словам, «не прочитывался» над замысловатым, как будто кружевным крылом. Таким образом, серьги остались у ювелира и, вероятнее всего, были спрятаны в сейф. И главное: на письменном столе лежал довольно неплохой рисунок сережки с указанием точных размеров. Рисунок этот был сфотографирован, его изображение предъявили сотням представителей криминального мира, причем не только скупщикам краденого, но и проституткам, вора, шулерам, бильярдным каталам...

И – ничего.

5

И вот теперь эти серьги сыщики увидели на жене убитого Петра Завалова. Когда она стояла в анфас, рассмотреть их было нельзя, а после того как женщина стала в профиль, одна сережка предстала во всей красе.

Гуров обернулся к подчиненному. Степаненко также таращил глаза на ухо вдовы, как, видимо, за секунду до этого Гуров. «Узнал», – подумал он удовлетворенно. Значит – объяснять ничего не придется.

– Как вас зовут? – спросил Гуров, сдерживаясь, чтобы не задать главный вопрос.

– Софья.

– Ну, что же, Софья, давайте поговорим в доме. Только позвольте, я отошлю подчиненного, чтобы он нам не мешал.

Гуров повернулся к Степаненко, которого явно распирало от вопросов, и буквально вытолкнул его на улицу. После чего заговорил тихо и быстро.

– Мчи в контору, собирай всех, кого найдешь, для обыска. И никаких городских, никого в форме. Из пролетки пусть выйдут не доезжая, сюда – пешком. Нам шум ни к чему. Второе. Надо по закону. Где Окунский живет, знаешь?

– Да.

Степаненко, да и другим надзирателям уже приходилось привозить любимого судебного следователя шефа не места следственных процедур.

– Езжай к нему лично и привези. Скажи – моя просьба. Еще скажи – рапорт о передаче дела ему я уже отправил в судебную канцелярию нарочным. И, кстати, рапорт отправь, он у меня на столе. Потом со следователем – сюда. Все понял?

– Да, – ответил Степаненко и быстро зашагал к выходу на улицу.

Гуров вернулся в квартиру. Вдова ждала его, сидя за столом, накрытым кружевной скатертью. Здесь же на полу играл мальчик лет четырех.

– Трудно вам теперь придется... – начал Гуров.

– Как-то проживем. Я шью. Проживем, – быстро прервала Софья. Женщина явно не нуждалась в сочувствии и на Гурова смотрела настороженно.

– Красивые серьги... – начал было Гуров уже заготовленную фразу, но был опять прерван.

– Да.

Разговор не клеился. Вдова явно не была настроена вести светскую беседу. Она поджала и без того узкие губы и отвернулась.

– Откуда серьги? – Спросил Гуров без обиняков.

– Вам-то что?

Софья уже не казалась убитой горем. В ее голосе сквозила агрессия. Гуров, конечно, к такому отношению привык, но от вдовы он этого никак не ожидал. Пока он решил на нее не давить. Когда сюда придут коллеги для обыска, напугать строптивую женщину будет легче. Да и обыск, Бог даст, выявит новые факты. А пока Гуров закурил и стал ждать. Все, что ему нужно было, так это следить за вдовой, чтобы она ничего не вынесла из дома или не попыталась что-то уничтожить. Та, впрочем, никаких хлопот не доставляла: она села напротив и уставилась в одну точку.

Примерно через полчаса подспела «кавалерия». Четверо надзирателей вломились в квартиру без стука.

– Ваше благородие! – заорал один из них по фамилии Кузякин. – Ромка казав, кажись, зрушила справа якась, та я нічого не зрозумів...

– Вот что, хлопцы. – Гуров уже потихоньку перенимал украинские словечки. – Сейчас – обыск, ищем тщательно. Хоть до кирпичика тут все разберите.

– Что ищем? – спросил другой надзиратель, оглядывая помещение. Это был изящный молодой человек с неизящной фамилией Пахло, похожий на скромного студента или даже гимназиста. Но внешность была обманчива: человеком Пахло был жестким, а порой даже жестоким, к тому же физически – очень крепким. Кроме того, соображал Андрей Пахло тоже неплохо.

– Все, что может связать это жилище с убийством на Конторской, прежде всего – золото, камни, деньги...

– Ах ты ж тряся... – присвистнул Кузякин.

Тут голос подала Софья, до того обалдело пялившаяся на четырех сыщиков.

– Какой обыск?! – завопила она. – Я мужа потеряла сегодня! Да что ж это делается...

– Тихіше, дамочка, а то задену шас, – добродушно пробасил Кузякин, а Пахло заметил причину обыска.

– А красивые у вас серьги, мадам, позвольте рассмотреть.

– Я тебе рассмотрю, паршивец... – поднялась вдова с места, но на нее уже никто не обращал внимания. Сыщики принялись за работу, обмениваясь шуточками и коротко отбиваясь от словесных атак Софьи.

Хлопцы знали свое дело и, начав с комнаты, в которой находились, поделили ее между собой: «Я от косяка до угла шкафа, ты – отсюда и до окна». Таким образом, комната была поделена на четыре части, и каждый надзиратель делал свою работу. Обыск проводился гласно, необходимости возвращать на место переставленные вещи не было, дело двигалось быстро.

Гуров тоже занимался делом. Он внимательно наблюдал за реакцией вдовы – вдруг она излишней нервозностью выдаст место с тайником или просто с предметом, который видеть полицейским не стоило. Но, похоже, она была озабочена только тем, что потом придется убирать устроенный беспорядок, поэтому требовала от сыщиков аккуратности. Последние, впрочем, ее требования игнорировали, а она мешать им не решалась: просто села за стол и только покрикивала: «Ставь аккуратнее, разобьешь, не твое, чай!», «Чего ты его ковыряешь?!», «Клади левее, как я потом это убирать буду...» и все в таком духе.

Через полчаса обыск стал приносить первые плоды. Правда, плоды ли это, Гуров пока не понимал. На столе, за которым он сидел, появились нехитрые украшения, явно недотягивающие качеством и ценой до серег, которые по-прежнему красовались в ушах вдовы, малоинтересные документы и бумаги, обычные для дома небогатого мещанина.

Интересное было найдено на шкафу, заботливо вложенное в атлас Маркса. Это были десятидинаковых листов с водяными знаками и замысловатой синей рамкой, где под заголовком «Товарищество М. Гельферих-Саде» в сложном орнаменте читались пять букв – «А», «К», «Ц», «І», «Я», – ниже было написано «Въ сто рублей», и эта же сумма была обозначена большими голубыми цифрами, которые служили фоном для надписи на французском. Ниже шли подписи членов правления, первой из них значилась подпись Макса Гельфериха.

– Вы гляньте, ваше благородие, – пробасил, выкладывая находку на стол, Кузякин. – Він був акціонером.

Вдова заверещала: «Это мое!» – но Гуров, не обращая на нее не малейшего внимания, стал рассматривать бумаги, которые явно не были подделкой, и прикидывать. Средняя зарплата рабочего на заводе составляла рублей 25 в месяц, мастера – пусть рублей на пять, а то и десять больше. Собрать 1000 для вчерашнего крестьянина, который, к тому же, снимал вполне приличное жилье и кормил жену с ребенком, было задачей непосильной. Первое, что приходило в голову, – преступный промысел. Но будь у Завалова еще какой-нибудь доход – это неизбежно отразилось бы на жилище, вещах и хоть какой-то мелочи, от серебряной ложки в буфете до нехарактерно дорогого пальто. Но ничего этого Гуров не заметил, а взгляд у него был наметанный. И еще одна странность: акции – совсем уж необычный как для работного человека способ хранения денег. Вот золотые червонцы – другое дело. Да еще и акции завода, на котором работал. И сумма подозрительно круглая – одна тысяча. Почему? Откуда? Зачем?

– Откуда? – спросил он у вдовы.

– Иван принес. Почем я знаю. Говорил: «Капиталец у нас есть теперь»... – Гуров подумал, что вдова начнет рыдать, вспомнив о покойном, но женщина только добавила зло: – Это мое теперь.

Гурова она уже начала раздражать всерьез.
– Разберемся... – ответил от неопределенно.

6

Сыщики тем временем разделились: двое вышли в предбанник, служивший кухней, еще двое ушли во вторую комнату. Оба эти помещения были настолько маленькими, что четыре человека только мешали бы друг другу. Гуров остался со вдовой наедине и понял, что настал наконец момент поговорить с ней по-настоящему. Он не любил подобные методы, но тут уж было не до чистоплюйства.

– Кузякин, ребенка заberi,–крикнул он в соседнюю комнату и добавил:– Андрей, подойди-ка.

– Пішли, хлопець, пограємось там,– пробасил Кузякин, подхватив мальчика.

Из предбанника в комнату вошел Пахло.

– Итак, начнем. Откуда серьги? Когда появились? –спросил Гуров.

Андрей подошел к вдове и наклонился над ней, заглядывая в глаза.

Софья отстранилась от настойчивого взгляда Пахло и с вызовом сказала:

– Не ваше дело.

Андрей улыбнулся, выпрямился во весь рост, потянулся и неожиданно резко, наотмашь, ударил вдову тыльной стороной ладони по лицу. Голова ее откинулась и крутнулась так сильно, что Гуров забеспокоился, не свернулась ли шея. Но вдова выпрямилась и, пребывая в шоке, только таращилась на них. На кровь, которая стала сочиться из разбитого носа, она не обращала внимания.

– Так, дамочка,– заговорил Гуров. – Или мы начинаем говорить, или мальчик останется сиротой при живой матери. Потому что вас ждет каторга за соучастие в тройном убийстве. А может быть и петля. Я слушаю.

Гуров откинулся на спинку стула и стал ждать. Выкати он этот аргумент позже, мог бы наткнуться на ненужную полемику. А сейчас, когда воля была сломлена, это служило лишь дополнительным стимулом поделиться с сыщиками сокровенным.

Но Гуров просчитался. Вдова делиться ничем не собиралась. Вместо этого она завопила, высоко и протяжно. В соседней комнате заплакал ребенок. Гуров поморщился. С минуту на минуту мог появиться судебный следователь, тонкую душевную организацию которого эта сцена могла бы задеть.

Впрочем, вопила вдова недолго. То ли плач ребенка ее отрезвил, то ли Пахло, который снова стал потягиваться и нарочито разминать пальцы. Софья замолчала, взгляд ее стал более осмысленным, и Гуров решил, что сейчас женщина заговорит. Но этого взгляда не видел Андрей, который стоял над ней. Он одним ловким движением схватил женщину за горло и поднял, а другой рукой вырвал серьги. Вдова снова истошно заорала бы, если бы ее горло не душила рука надзирателя. Хотя орать было не с чего: Пахло оба раза ухватился за подвески, которые просто оторвались, не причинив никакого вреда ушам.

– Из-за этих финтифлюшек твой муж троих убил,– спокойно, будто констатируя факт, сказал Андрей и бросил обмякшее тело обратно на стул.

Вновь шокированная вдова, чтобы не упасть, схватилась обеими руками за край стола и начала тихонько скулить. Слезы смешивались с кровью, которая продолжала капать из разбитого носа.

Гуров ждал. Он понимал, что это все. Выждав минуту, он начал снова.

– Откуда серьги?

– Иван подарил.

– Когда?

– В начале сентября, до Усекновения...

– Почему их никто не видел?

– Строго наказал до времени не носить. А теперь что мне его наказы? – кажется, только сейчас, находясь в столь беспомощном положении, она поняла, что осталась без мужа, и зарыдала по-настоящему, вголос.

– Спасибо, Андрей, помоги хлопцам, – отпустил Гуров надзирателя, который молча кивнул и, выйдя, присоединился к коллегам.

Гуров ждал, пока вдова выплечется. Эта комната ему уже осточертела, и он принялся рассматривать аккуратную медную накладку с двумя шурупами, которая скрепляла треснувшую ножку стола. Еще час назад сыщики обратили на нее внимание и выкрутили шурупы, убедившись в том, что никакого тайника под накладкой не было, а также в том, что трещина в ножке не была проклеена, как это сделал бы всякий плотник. А вот слесарь, коим был покойный, решил проблему по-своему. Гуров попросил собрать нехитрую конструкцию снова – не сидеть же ему за трехногим столом. Вообще в комнате, то тут, то там, чувствовалось присутствие, как сказал Воскресенский, весьма «рукастого» мужика.

Через пару минут вдова начала успокаиваться, достала платок и принялась вытираться. Крови она по-прежнему не замечала, растирая ее по лицу, отчего вид стала иметь комичный и еще более жалкий. Гуров задал вопрос, который у него оформился буквально только что.

– Супруг ваш был человек с руками, я вижу. Много чего делал по дому... У него ведь какая-то мастерская была, да?

– Да, – ответила всхлипывающая вдова. – Сарай во дворе, первый слева, я ключ дам.

Женщина тяжело наклонилась, чтобы встать, и тут в комнату вошли Степаненко и Окунский.

– Приветствую вас, Федор Иванович, – сказал Окунский и, не обращая ни малейшего внимания на вдову с размазанной по лицу кровью и вообще на происходящее вокруг, тут же продолжил. – И не извиняйтесь за то, что вызвали меня в столь поздний час. Вы буквально спасли от кошмарного мероприятия. Моя супруга потащила меня к Хариной слушать столичного поэта. Бальмонт некто, слышали? Дамы, кажется, были в восторге. Борода клинышком, шевелюра... Красавец, одним словом. Хотя меня этот субъект насторожил. Опасные у него идеи, доложу вам. Да и стишки так себе. Сплошная пошлость. «За сладкий восторг упоенья я жизнью своей заплачу! Хотя бы ценой преступления – тебя я хочу!» Манифест насильника, ни дать ни взять.

Окунский рассмеялся, плюхнулся на стул и стал выкладывать на стол из саквояжа, похожего на докторский, листы бумаги и письменные принадлежности.

– Так что ваш человек вовремя освободил меня из этого поэтического плена, – сообщил он, подытоживая, и перешел к делу. – Что тут у нас? Обыск?

– Да, – ответил Гуров.

– Давайте сюда понятых тогда, – сказал Окунский.

Гуров попросил Степаненко найти понятых, оставил в комнате со вдовой Пахло, потому что при нем женщина не решилась бы вести себя со следователем неподобающе, и, взяв у нее ключ от сарая, вышел из комнаты, по дороге прихватив одного из надзирателей, возившихся в предбаннике. С собой они взяли три свечи.

Подойдя к сараю, сыщики сразу заметили навесной замок, который болтался на одной петле. Вторая была выдрана из деревянной двери, причем выдрана непрофессионально. Судя по оставшимся на дереве отметинам – у кого-то далеко не с первого раза получилось выломать петлю, и сделано это было не вполне подходящим инструментом – каким-то совсем мелким ломиком или даже крупной отверткой.

Сарай вполне ожидаемо оказался не свалкой хлама, держать который в доме было негде, а выбрасывать жалко. Это была маленькая, но аккуратная мастерская с кучей слесарного инструмента, верстаком с тисками и бесчисленными коробочками. Тут тоже кто-то поработал: коро-

бочки были выдвинуты, а штук пять просто стояли на верстаке, хотя их место явно было на одной из многочисленных деревянных полок.

Гуров тут же обратил внимание на необычно мягкий земляной пол и, посветив свечой, увидел, что поиски неизвестного увенчались успехом. Пол был весь как будто исколот или изрыт, вполне возможно – тем же инструментом, которым отломали петлю, а в углу виднелась небольшая ямка, разумеется – пустая.

– Осмотрись здесь еще, – велел Гуров надзирателю на всякий случай и уже собрался возвращаться в дом, когда заметил под верстаком металлический короб, набитый всякой железной всячиной. Он бы не обратил на него никакого внимания, если бы короб этот не казался великоватым для такой почти что миниатюрной мастерской. Был он из очень толстого металла, а самое главное – верхняя кромка короба блестела аккуратным спилом, как будто сам короб был отпилен от чего-то большего. Гуров вытащил его из-под верстака и прочел на одной из граней выгравированное слово Саггон.

Сомнений не было: перед ним было днище сейфа убитого ювелира Юхмана, которое рачительный убийца использовал для хранения всякого хлама.

Когда Гуров вернулся в квартиру с железной коробкой, там уже находились понятия: здоровенная бабища из тех, что коня на скаку остановит, а рядом с ней – какой-то бесцветный субъект с жидкими усиками. Это были соседи – муж и жена грамотные настолько, чтобы кряхтя от умственного напряжения вывести под протоколом обыска, составленным Окунским, свои фамилии.

– Что изымаем? – спросил следователь перед тем, как попросить понятых и вдову расписаться.

– Серьги и... – Гуров задумчиво посмотрел на короб. К картине он ничего не добавлял, и тащить его не хотелось.

– Возьмем, ваше благородие. Если шо – на попільничкузгодиться, – предложил Кузякин.

– Сам тогда потащишь, – усмехнулся Гуров.

– Как это записать? – спросил Окунский.

– Короб металлический с надписью Саггон, – ответил Гуров и решил, что остальным тут уже делать нечего. Тем более, в комнате, где находились вдова, дюжие надзиратели, следователь, плюгавый понятой, а главное – его монументальная супруга, уже ни развернуться было нельзя, ни дышать было нечем.

– Степаненко, останься; остальные – по домам, – сказал Гуров устало, сел на диван и стал ждать, когда следователь допишет протокол и оформит показания вдовы.

Когда вышли на улицу, была уже глубокая ночь. Они направились к Клочковской в надежде найти извозчика, и Гуров заметил под фонарем двух субъектов, которые, не таясь, рассматривали сыщиков. Гуров узнал одного из них. Степаненко – тоже узнал, возможно – обоих, и дурачась приподнял кепку над головой, приветствуя их. «О Господи, эти-то зачем здесь?» – устало подумал Гуров, но размышлять еще и об этом уже не было сил.

Длинный день наконец подошел к концу.

7

Утром Гуров собрал своих людей в кабинете. Их было всего семеро. Воинство, конечно, немногочисленное, но Гуров нашел их сам, отбирая наиболее толковых городских. Один из надзирателей до того трудился мелким чиновником в канцелярии генерал-губернатора. Еще один это был Степаненко: он ушел из охраны, потому что, как говорил, «надоело возить дерьмо тачками».

– Ну что, хлопцы, – начал Гуров. – Ситуация следующая. Дело о тройном убийстве на Конторской сдвинулось с мертвой точки. Правда, нашей в этом заслуги – никакой. Не будь вдова дурой и не напяль эти серьги, мы бы покойного с убийством так и не связали. Была,

правда, еще анонимка с приметами, так что догадаться мы могли бы. Но могли и не догадаться. Как бы там ни было – анонимка эта сейчас имеет совершенно другое значение. Теперь мы точно знаем, что ее автор писал именно то, что видел. И неплохо было бы поговорить с ним. Как его найти? Свежие идеи есть?

Сыщики молчали. Идеи не было. Их не было и тогда, когда анонимка пришла. Понимание того, что в ней были описаны реальные преступники, по крайней мере – один, самый приметный, – довольно точно, – никак не помогало установить автора письма.

Идей пока не было и у Гурова. Впрочем, что-то не давало сыщику покоя. Ему казалось, что они должны знать, в каком направлении искать, просто, как это часто бывает, не могут правильно сопоставить известные факты. Он думал об этом и раньше, но тогда это не имело такого значения. Теперь следовало еще раз все хорошенько обдумать, но позже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.